

ПОЧЕМУ ГОСУДАРСТВА ЗАИМСТВУЮТ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ ОПЫТ РОССИИ

АНН ВИНЬО
АНДРЕЙ БАЙКОВ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В данной статье исследуется очевидное противоречие между недостаточной озабоченностью российской общественности экологическими проблемами и быстрым принятием в России строгих экологических законов. Настоящим авторы представляют обзор экологических вызовов для России, мер, принимаемых правительством в ответ на них, и своё мнение относительно того, насколько россияне в действительности чувствительны к экологическим проблемам. Затем они определяются с четырьмя сценариями появления такого рода норм, дополняют перечень имеющейся литературы по данному вопросу, а также предлагают типологию, в рамках которой следует рассматривать российский случай. Четыре представленные модели возникновения и диффузии норм показывают, что в процессе принятия в стране новых законодательных актов инициатива может исходить от политических субъектов различного уровня при той или иной степени международного давления. В свою очередь, в случае с государствами, озабоченными проблемой защиты своего суверенитета, международное давление, как правило, осуществляется не напрямую, а в результате рутинного межправительственного взаимодействия. При этом эффективность и степень такого воздействия тем выше, чем активнее в этом вопросе действуют транснациональные экспертно-профессиональные сети (transnational expertise and experience network, TEENs/ТЭПС), назначение которых состоит в адаптации международной нормы к локальным страновым условиям и содействию её имплементации. Каждая из описанных моделей появления норм предполагает свои особенности в отношении реализации соответствующих норм.

Ключевые слова:

транснациональные сети убеждения; транснациональные экспертно-профессиональные сети; экологическое право; распространение норм; рецепция норм; имплементация норм.

Доминирующий в России подход к вопросам охраны окружающей среды довольно противоречив, если не сказать – парадоксален. С одной стороны, налицо крайне незначительная – во всяком случае, для индустриально развитой страны – вовлечённость широкой общественности в обсуждение и практическое решение экологических проблем. Она дополняется недо-

статочной развитостью сети общественных организаций (НПО), занимающихся вопросами охраны окружающей среды, всё более детальным государственным регулированием деятельности НПО вообще (в особенности получающих зарубежное финансирование), подозрительностью, проявляемой российскими медиа в отношении примеров внешнего неполитиче-

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2018

Дата принятия к публикации: 23.10.2018

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: acrowleyvigneau@yahoo.fr

ского (так называемого гуманитарного) лоббирования как такового и экологического лоббирования в частности, а также отсутствием согласия в российском научно-аналитическом сообществе по поводу влияния изменений климата на будущее отечественной экономики. В то время как одни эксперты, признающие сам факт таких климатических метаморфоз, предпочитают делать основной упор на грядущие преимущества и выгоды, другие – и вовсе ставят под вопрос антропогенное происхождение наблюдаемых изменений природной среды.

С другой стороны, невозможно игнорировать впечатляющий свод весьма жёстких экологических норм, принятых в нашей стране в 1990-х и 2000-х годах; неуклонное участие Москвы в основных международных договорах по вопросам защиты окружающей среды, а также открытое признание правительством, с опорой на статистические данные, того факта, что в вопросах экологии Российская Федерация в настоящее время сталкивается с острейшими вызовами, требующими незамедлительных действенных мер.

Несмотря на наличие весьма обширной литературы по политикоформирующей роли международных правительственных и неправительственных организаций с дифференциацией по сферам деятельности, влиянию, принципам и целям [Risse 2012], реальное влияние этих субъектов на принятие решений уровня отдельных стран представляется пока не вполне изученным. Американские политологи Марта Финнемор, Маргарет Кек и Кэтрин Сиккинк сквозь аналитическую линзу конструктивистского подхода сумели раскрыть условия, при которых происходит трансграничная диффузия норм. В этой связи они сфокусировались на разнообразии субъектов, включённых в реальную выработку политики (понимаемой как формулирование и реализация правил и норм допустимого поведения на государственном, межгосударственном и надгосударственном уровнях). Описание транснациональных сетей убеждения (*transnational advocacy networks*,

TAN/TCU) [Keck, Sikkink 1998] также проливает свет на механизмы и природу динамики межсубъектного трансграничного взаимодействия, предшествующей зарождению государственной политики в вопросах защиты окружающей среды в виде конкретных норм, правил и институтов. По мысли упомянутых авторов, озабоченность экологическими проблемами в обществе и коридорах власти зачастую резко возрастает как результат включения наиболее инициативных представителей общественности той или иной страны, соответствующих ведомств её правительства, местных НПО, а также деловых кругов в горизонтальные сетевые сообщества, в которые также входят их контрагенты из государств, где данная норма уже была принята и успешно соблюдается. Благодаря многообразной (информационной, консультационной, организационной и реже финансовой) поддержке таких транснациональных сетей политическая активность, направленная на отстаивание важности внедрения той или иной нормы внутри данной страны, со временем способна подтолкнуть правительство к тому, что оно воспримет потребность в регулировании, которое изначально не поддерживало или которому не придавалось должного значения (или о котором просто не знали). Описанный таким образом процесс был обозначен в литературе как «эффект бумеранга».

Впрочем, к России эта логика, на наш взгляд, малоприменима. Гораздо более подходящим к нашему случаю видится уже широко обсуждавшаяся (в том числе на страницах этого журнала [Бакалова 2015]) модель жизненного цикла [Finnemore, Sikkink 1998], в соответствии с которой после прохождения некоей «критической точки» в плане признания новой нормы в масштабе международного сообщества её рецепция в отдельных государствах может наблюдаться и в отсутствие необходимых в логике «эффекта бумеранга» внутренних стимулов. При этом те причины, которые могут играть ведущую объяснительную роль для конструктивистской парадигмы (статусные соображения, связанные с по-

требностью в социальном признании в рамках международной иерархии и склонностью социальных субъектов к мимикрии), неадекватны для понимания того, что происходило и происходит в России.

Вместе с тем корни «российского парадокса» следует искать отнюдь не только в специфике внутренней политики или внешнеполитической стратегии Москвы. Это вопрос развития и углубления существующих на этот счёт теорий. Казус России требует частичной адаптации и, быть может, даже уточнения уже высказанных объяснений и в этом смысле очерчивает круг перспективных научных проблем, требующих адекватного решения.

В своих попытках ответить на них авторы данной статьи сначала рассматривают экологические вызовы, с которыми пришлось столкнуться России, затем меры, принимаемые правительством, а также восприятие российской общественностью вопросов защиты окружающей среды. Далее они развёртывают четыре сценария с описанием разных путей появления новых норм, а также стоящих за ними механизмов. Применяемая при этом типология сформулирована с учётом случаев, уже описанных в литературе, и доработана с тем, чтобы объяснить особенности российского кейса. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы, представив новые сценарии, способствовать дальнейшему углублению понимания алгоритма принятия норм, дополнив, таким образом, имеющуюся конструктивистскую литературу. Наконец, авторы попытаются объяснить, основываясь на сведениях, полученных от российских экспертов по вопросам экологии, побудительные мотивы, по которым правительство страны принимало и принимает законодательство по вопросам защиты окружающей среды.

Авторы, впрочем, не претендуют на исчерпывающее рассмотрение ни экологических проблем, ни российской ситуации в целом. Речь в данном случае идёт скорее об

исследовании конкретного случая с опорой на представленную в литературе методологию анализа роли международного взаимодействия с точки зрения появления и внедрения норм на «экологическом» материале. Здесь же также следует уточнить, что под попеременно используемыми в статье терминами «правительство» и «государство» следует понимать российские органы власти. Понятия «принятие» и «институционализация» использованы в значении официального внесения нормы в законодательство страны, а термины «исполнение», «обеспечение исполнения» и «применение» — в значении приведения социальных и регуляторных практик в соответствие законодательной нормы.

1

В начале 1990-х в России действовало довольно несовершенное природоохранное законодательство. В СССР приоритет традиционно отдавался развитию тяжёлой промышленности при недостаточном внимании к вопросам эффективности использования природных ресурсов. Остаточные следы такого подхода, несмотря на явный прогресс в этой области, можно обнаружить и в современной российской экономике. Индекс энергоэффективности (ВВП на единицу потреблённой энергии) у России составляет 0,23. По этому показателю она значительно уступает таким странам, как Франция (0,11), Германия (0,09), Бразилия (0,12), США (0,13), Индия (0,17), располагая примерно на одном уровне с Китаем (0,24)¹.

Изобилие (не всегда, правда, легкодоступных) природных ресурсов стимулирует поиск путей оптимизации их использования. В этом отношении показательна тема с утилизацией отходов. Во времена «холодной войны», пользуясь возможностями режима секретности, радиоактивные материалы иногда (особенно на ранних этапах) просто закапывали в землю или сбрасывали в море, не задумываясь (или не зная) о долгосрочных последствиях. Уже

¹ Global Energy Architecture Performance Index Report 2015. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalEnergyArchitecture_2015.pdf

в постсоветские годы быстро прогрессирующая деградация старой советской инфраструктуры несколько раз приводила к задокументированным утечкам радиации и к иным вредным воздействиям на окружающую среду². Наконец, коллективизация сельского хозяйства привела, вследствие избыточного применения пестицидов, к загрязнению значительного массива сельскохозяйственных земель, что в ряде районов страны стало представлять опасность для здоровья местного населения.

Между тем в 1990-х годах в России на высшем правительственном уровне стал отмечаться существенный рост озабоченности вопросами экологии. Официальные лица и ведущие эксперты стали уделять больше внимания оценкам негативного воздействия на окружающую среду расточительного отношения к природным ресурсам, а также разработке мер, нацеленных на выправление создавшейся ситуации. В течение последующих лет было принято значительное число норм, направленных на противодействие этим вызовам. Кроме того, Россия ратифицировала большинство важных международных договоров по вопросам охраны окружающей среды, были также созданы контролирующие организации, призванные осуществлять надзор за исполнением принятых норм. В течение 1990-х – 2000-х годов было издано свыше тридцати законов и кодексов, которые содержали положения о защите окружающей среды (например, Федеральный закон № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» от 23 ноября 1995 года; Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 года, Федеральный закон № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», принятый в мае 1999 года, Земельный кодекс Российской Федерации № 136-ФЗ от 25 октября 2001 года, Лесной

кодекс Российской Федерации № 200-ФЗ от 4 декабря 2006 года). В каждый из этих регулятивных актов впоследствии вносились значительное число поправок. Например, Лесной кодекс в период с 2006 по 2015 г. подвергался изменению девять раз³.

Общую основу экологического регулирования обеспечил Федеральный закон №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года. Он определил основные приоритеты в рассматриваемой сфере, экономические инструменты, которые могут быть использованы в деле защиты окружающей среды, вводил положения по порядку установления стандартов и норм, правила принятия контрольных показателей и проведения государственных инспекций, а также впервые признал неблагоприятное воздействие предпринимательской деятельности на окружающую среду и конкретизировал меры, направленные на повышение информированности об экологических проблемах. Хотя данный закон и подвергался критике за наличие внутренних противоречий, а также сложностей с его правоприменительной интерпретацией, невозможно отрицать его комплексный и прогрессивный характер, создававший основания для проведения системной экологической политики в России.

Перечень основных проблем, находящихся в фокусе российской экологической политики, остается прежним. Это качество воды, состояние лесов, качество воздуха, радиоактивное загрязнение, утилизация отходов и, конечно же, последствия изменения климата. Этот список задекларирован во множестве доктринальных и законодательных источников. Однако, по признанию экспертов, общая правовая конструкция экологического регулирования страдает концептуальной рассогласованностью и непоследовательностью в вопро-

² По данным министра природных ресурсов и экологии Сергея Донского, в России ежегодно производится по 1,5 млн т нефти. *Luhn A.* The town that reveals how Russia spills two Deepwater Horizons of oil each year. 05.08.2016. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2016/aug/05/the-town-that-reveals-how-russia-spills-two-deepwater-horizons-of-oil-each-year>

³ См.: Legislative Database of FAO Legal Office, Russian Federation – Forest Code. URL: http://faolex.fao.org/cgi-bin/faolex.exe?rec_id=052932&database=faolex&search_type=link&table=result&lang=eng&format_name=@ERALL

сах реализации. Например, Указ Президента РФ от 30 апреля 2012 г. установил пять приоритетных направлений экологической политики – это: (1) утилизация отходов и улучшение контроля над ней; (2) обязательность экологической экспертизы для определённого типа объектов промышленности различного назначения; (3) организация экологического образования в школах; (4) повышение информационной прозрачности компаний в вопросах оказываемого ими неблагоприятного воздействия на окружающую среду и (5) повышение энергоэффективности.

Чрезвычайную важность всех этих пяти аспектов трудно переоценить. Вместе с тем произвольное сочленение в рамках документа столь высокого уровня внешне как будто объединённых общностью экологической темы, но практически не связанных друг с другом проблем способно приводить (и приводит) к снижению эффективности предусмотренных мер. Несмотря на общее впечатление того, что экологические вызовы в достаточной мере отражены в правовой системе, ощущается дефицит конкретизирующих задачи и приоритеты «верхнего уровня» исполнимых и процессуальных норм, необходимых для корректного исполнения продекларированных целей. Важен и честный подход к констатации природы ряда проблем. В частности, некоторые экологические угрозы плохо поддаются контролю вследствие значительной распространённости в соответствующих отраслях «незаявленной» хозяйственной деятельности. Показательным примером в данном случае выступает проблема сведения лесов, в значительной степени обусловленная незаконными вырубками.

Стоит отметить и ещё одну дилемму. С одной стороны, для того чтобы получить

представление о реальном состоянии окружающей среды, необходим осуществляемый компетентными государственными организациями мониторинг ряда индикаторов. Однако такого рода показатели способны характеризовать достигнутый прогресс только в отношении подлежащих мониторингу целевых состояний (например, количество высаженных деревьев или площадь лесов, подвергнутых обработке). С другой – такого рода мониторинг не в состоянии создать полное представление о проблеме в целом (например, обеспечивают ли проводимые мероприятия по восстановлению лесов компенсацию процесса их сведения)⁴.

В течение последних десятилетий в ряде областей наметились серьёзные подвижки к лучшему. Например, в отношении выбросов парниковых газов. Впрочем, такого рода успехи обычно совпадают по времени с периодами экономического спада. По словам экспертов, «динамика размера ВВП и объёмов выброса загрязняющих веществ в атмосферу [в России] если и различается, то лишь весьма незначительно»⁵. Беспокоит другое: если общий объём выбросов CO₂ в некоторые периоды времени сокращался, следуя за динамикой ВВП, то выбросы CO₂ на душу населения России всё равно росли с 11,3 тонны в 2000 г. до 12,8 тонны в 2012-м. Между тем в большинстве других европейских стран относительные объёмы выбросов падали, даже несмотря на падение их абсолютных показателей в понижительной фазе делового цикла (например, во Франции с 6,7 тонны в 2000 до 5,5 тонны на душу в 2012 году)⁶.

В 2010-х годах энергоёмкость ВВП в России сначала стабилизировалась, а затем даже снизилась до 12,4 тонны CO₂ на душу населения в 2014 году⁷. Тем не менее

⁴ Один из семи индикаторов (показателей), отслеживаемых экологическим отделом Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/environment/#

⁵ Country Review: Russian Federation. URL: <http://www.oecd.org/env/country-reviews/2452793.pdf>

⁶ European Commission Emissions Database for Global Atmospheric Research, CO₂ time series 1990-2014 per capita for world countries. URL: http://edgar.jrc.ec.europa.eu/overview.php?v=CO2ts_pc1990-2014

⁷ Ibid.

вследствие относительной непродолжительности рассматриваемого периода пока преждевременно квалифицировать это как тренд и относить к первым обнадёживающим результатам политики, проводимой в области энергосбережения. Не стоит также забывать о том, что в 1990-х годах либерализация экономики и укоренение в России характерной для капиталистического общества культуры массового потребления привели к заметному возрастанию количества отходов на душу населения — одному из вызовов рыночной экономики. Наконец, хотя расходы государства на охрану окружающей среды, по данным Росстата, за период с 2002 по 2010 г. возросли более чем вдвое, в процентном отношении к ВВП они, наоборот, сократились⁸.

Из указанного выше следует, что экологические проблемы остаются в России более чем насущными, и, несмотря на наличие мощной нормативно-правовой базы, призванной обеспечить адекватное реагирование на эти вызовы, прогресс, реально достигнутый в данной области, явно недостаточен.

2

Осведомлённость россиян в вопросах охраны окружающей среды постоянно растёт, и они вовсе не безразличны к тем негативным изменениям, которые происходят в непосредственной близости от их места жительства. В то же время они не всегда оказываются в курсе причин, вызвавших то или иное ухудшение экологической ситуации, и во многих случаях полагают, что на данный процесс невозможно повлиять. В ходе опроса, проведённого Высшей школой экономики в 2015 году, 78% из 1670 респондентов указали, что их интересует состояние окружающей среды⁹. Однако тот же опрос показал, что всего

30% считало проведение «зелёных» общественных мероприятий необходимым, отметив, что, по их мнению, в системе государственных приоритетов защита окружающей среды должна находиться после развития сельского хозяйства, промышленности и медицины. Данное обстоятельство наглядно отображает тот факт, что интерес к вопросам экологии у широких масс не отсутствует, но общество озабочено в первую очередь удовлетворением более непосредственных потребностей, особенно в периоды экономического спада.

Другой опрос, проведённый ВЦИОМ, показал, что более половины россиян не удовлетворены текущим состоянием окружающей среды, прежде всего качеством воздуха и воды. Основные виновники загрязнения, по их мнению, — транспорт и промышленность. В то же время данное исследование продемонстрировало, что население по большей части не вовлечено в новые типы поведения, направленные на защиту окружающей среды, хотя в принципе ничего не имеет против них. В частности, популярными остаются традиционные субботники по уборке территории (52% респондентов указали, что участвуют в них) и мероприятия, проводимые под девизом «Сделай свой город зелёным» (28%). При этом менее 5% участвовали в демонстрациях, мероприятиях, проводимых НПО, волонтерской деятельности или экологических инспекциях. 65% вообще никогда не слышали о каких бы то ни было НПО, действующих на местах, а 78% не слышали о каких-либо местных правительственных программах, направленных на улучшение экологической ситуации. Между тем до 30% с удовольствием делали бы в данной области больше, если бы у них была такая возможность.

Российское население не вовлечено в дело защиты окружающей среды по ряду

⁸ Сравнивая ВВП и экологические издержки за годы, по которым имеются данные, Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/environment/# и URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

⁹ Russian Ecopractices and attitudes towards environmental problems, Higher School of Economics, Informational Newsletter No. 2, 2015, <https://issek.hse.ru/data/2015/09/25/1074029049/%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F%D0%BD.pdf>

различных причин. Например, вследствие загруженности решением повседневных задач, связанных с удовлетворением более базовых нужд, из-за слабой информированности относительно происхождения экологических проблем или доступных средств борьбы с ними, по причине недостаточности инфраструктуры или уверенности в том, что за состояние окружающей среды обязано отвечать государство в лице федеральных и муниципальных властей (об этом заявило 81 % опрошенных против 16%, считающих, что ответственность лежит на населении и бизнесе)¹⁰. *Недостаток информации, предоставляемой на локальном уровне, зачастую приводит к тому, что население оказывается более информированным о международных экологических проблемах, нежели о проблемах собственно города или региона.*

В свою очередь, экспертное сообщество также далеко не едино в вопросах, касающихся текущего состояния экологических проблем и причин их возникновения. Данное обстоятельство дополнительно способствует появлению у населения ощущения, что менять подход к вопросу не имеет смысла, а также что люди всё равно не в состоянии оказать сколько-нибудь ощутимое влияние на сложившуюся ситуацию.

В этом отношении показательна проблема изменения климата. Ряд учёных публично выражают сомнение в том, что человечество оказывает на этот феномен значимое влияние. Другие полагают, что обратить данный процесс вспять невозможно в принципе, вне зависимости от того, что мы будем предпринимать. Третьи призывают всего лишь приспосабливаться, рассуждая прежде всего о том, какие выгоды может извлечь Российская Федерация. Четвёртые – отрицают данный факт в принципе.

Например, В. Башкин из Газпром ВНИИГАЗа и Р. Галиулин из Российской академии наук не только не убеждены в том, что деятельность человека вообще оказывает какое-либо влияние на глобальное потепление, но даже и отрицают его вовсе, предсказывая неминуемое начало нового «ледникового периода». Их мнение широко освещается СМИ. Появляются публикации, утверждающие, будто бы «так называемое глобальное потепление» суть не более чем маркетинговый трюк, направленный на снижение потребления природных энергетических ресурсов и принуждение России к снижению цены на газ¹¹. Аналогичным образом многие специалисты рассуждают и о последствиях таяния арктических льдов. При этом некоторые исследователи основное внимание уделяют тем преимуществам, которые получит Россия от повышения температуры в регионе, что сопровождается утверждениями о необходимости новых норм правового регулирования для Арктики [Вылегжанин 2010].

Хотя в России и работает ряд НПО экологического профиля, им так и не удалось найти массовой поддержки среди населения. В литературе можно найти немало примеров того, как в некоторых странах неправительственные организации утрачивали легитимность по ряду различных причин, включая иностранное финансирование, неблагоприятное воздействие на глобальное управление и отождествление их с гегемонией Запада [Bruhl et al 2001; Jaeger 2007; Mendelson, Glenn 2002; Kennedy 2004; Bob 2015]. Во времена Советского Союза природные ресурсы страны пытались защищать природоохранные группы, базировавшиеся в университетах. Наряду с прочим они проводили мониторинг различных видов человеческой деятельности, потенциально опасных для окружающей среды (например, вырубка деревьев, за-

¹⁰ *Абрамов К.В.* Россияне о состоянии окружающей среды по результатам социологических исследований. ВЦИОМ. 2013. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2013/2013-06-17-ekologiya.pdf

¹¹ Два российских учёных прогнозируют начало «ледникового периода» уже в будущем году. Интерфакс. 09.02.2013. URL: <http://interfax.com.ua/news/general/139849.html>

хламление территорий) и информировали о злоупотреблениях государство [Haliy 2001]. Данный исторический факт объясняет, почему большинство российских неправительственных организаций работает на локальном уровне, продолжая решать специфические местные проблемы, как это было с природоохранной кампанией 1996 г. в Ростове, проводившейся с целью прекратить строительство здесь атомной электростанции¹². За ростом общественного интереса к вопросам экологии в 1990-х годах последовало создание российской экологической партии «Зелёные», а масштаб выявленных проблем привёл к образованию неправительственных организаций на федеральном уровне. В России начали даже работать и радикальные экологические группы (такие, как Гринпис). В то время создались наиболее благоприятные условия для возрастания осведомлённости общества в вопросах экологии [Haliy 2001].

Однако наступил экономический кризис, не оставив для участия населения в защите окружающей среды ни времени, ни финансовых ресурсов, а ко времени оживления экономики 2000-х годов, когда уровень жизни среднего россиянина немного подрос, обстановка поменялась и озабоченность экологическими проблемами более не стояла на повестке дня. НПО при этом стали восприниматься как нечто подозрительное, прикрывающее экологической проблематикой политические цели. Отчасти критика НПО была справедлива в силу их низкой компетентности: зачастую они просто не умели привлечь участников и финансирование в объёмах, необходимых для эффективной работы. Данные, опубликованные неправительственными организациями, содержат мало конкретной информации, а те, что были предоставлены (например, Гринписом России, утверждавшим, что он привлёк 270 волонтеров, уча-

ствовавших в акциях, и 208 тыс. сторонников, вовлечённых в его деятельность), едва ли поддаются проверке¹³. На самом деле значительное число добровольцев, которые участвовали в мероприятиях по борьбе с лесными пожарами вблизи мест проживания, действительно делали это вместе с представителями Гринписа. В то же время они были мотивированы лишь стремлением защитить лес в непосредственной близости, не помогали данной организации прежде и не участвовали в её экологических кампаниях впоследствии.

Если исходить из приведённых выше фактов, ситуация, сложившаяся в России с охраной окружающей среды, представляется крайне парадоксальной. Возникает вопрос: каким образом в стране могла сложиться столь жёсткая правовая и политическая структура в условиях отсутствия общественной мобилизации? И почему россияне остаются малоинформированными относительно местных экологических вызовов, даже если они демонстрируют запрос на такую информацию?

З

Можно выделить несколько причин и условий, когда правительства соглашались на принятие экологических норм (табл. 1).

Первый из таких сценариев предполагает, что ко времени появления законодательного акта население страны уже достаточно чувствительно к природоохранной тематике или же (что случается чаще) растущая информированность рядовых жителей страны об экологических угрозах и процесс рецепции норм идут рука об руку. Иными словами, в тех случаях, когда общество не проявляет интереса к обсуждаемому вопросу, правительство или активистские группы проводят кампанию, призванную повысить осведомлённость населения так, чтобы регламентация той или иной группы

¹² Nuclear Monitor. 1996 – Most successful anti-nuclear year of the 1990s. World Information Service on Energy. 1996. URL: <https://www.wiseinternational.org/nuclear-monitor/463-464/1996-most-successful-anti-nuclear-year-1990s>

¹³ Greenpeace, FAQ. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/about/faqs/>

Таблица 1
Типология сценариев принятия норм национальными правительствами

Сценарий	Основные участники / инициаторы	Причина изменения	Очевидность проблемы	Тип принимаемой меры	Скорость принятия	Поддержка сетевыми структурами
1	Население / правительство	Постепенный рост информированности	Высокая	Локальная	Высокая	Да
2	Активисты	Научные знания	Низкая	Глобальная	Низкая	Да
3	Правительство	Экологическая катастрофа	Высокая	Локальная	Высокая	Да
4	Правительство	Подражание	Низкая	Глобальная / локальная	Высокая	Нет

Источник: составлено авторами.

вопросов на законодательной и последующей правоприменительной стадиях стала возможной. В демократических режимах правительство, разумеется, предпочло бы не принимать законы, влекущие за собой чувствительные для электората политические или экономические издержки (как, например, законы об энергосбережении или сортировке отходов), за исключением случаев, когда избиратели убеждены в том, что выгоды от него существенно превышают потери. Такая логика объясняет также, почему формирование правовой политики в новых областях часто осуществляется поступательно, а жёсткость регулирующего воздействия возрастает по мере роста осведомлённости общества о существовании и степени серьёзности вызовов.

Данный сценарий принятия норм можно проиллюстрировать принятием в Великобритании закона «О чистом воздухе» в 1956 году, ставшего одним из первых шагов в направлении современной экологической политики¹⁴. Считается, что жертвами «великого смога», окутавшего Лондон в 1952 году, стали 12 000 человек. В результате население города стало лучше осознавать медицинские последствия загрязнения воздуха. Правительство сначала пыталось главным образом по экономическим соображениям приуменьшить связанную с экологической обстановкой угрозу здоровью. Под давлением общественности и

возникшего институционального лобби (которое образовали такие организации, как Национальное общество снижения задымлённости и Федерация по твёрдым бездымным видам топлива), оно довольно скоро было вынуждено пойти на попятную, приняв ряд мер, наиболее известной из которых и стал закон «О чистом воздухе», ограничивавший выбросы дыма, производимых как домашними хозяйствами, так и промышленностью. Со временем правительство само стало способствовать росту общественной осведомлённости «посредством издания руководства по обустройству жилья, где предлагалось и рекомендовалось переходить с каминов, имеющих постоянно открытую колосниковую решётку, на «открываемые» печи, указывалось на необходимость теплоизоляции дома и на предпочтительность сжиганий бездымных видов топлива» [Giussani 1994]. В рассмотренном примере принятие регулирования шло параллельно с изменением общественного сознания, лоббированием и проведением правительственных кампаний. Всё это имело целью обеспечить введение в действие указанных законов.

Второй сценарий связан с наращиванием давления на правительство со стороны местных групп активистов с целью вынудить его к принятию норм по экологическим вопросам. Агентом изменений может быть какая-то конкретная социальная

¹⁴ Clean Air Acts UK. URL: <http://www.air-quality.org.uk/03.php>

общность, которой приходится страдать больше других от загрязнений, производимых в отдельных частях страны. Таким активистам может удастся убедить всё общество и правительство принять отстаиваемые нормы. Если же они не достигают успеха, как правило, вследствие «блокировки каналов связи между государством и внутригосударственными субъектами», то они могут стать частью «транснациональных сетей убеждения» с целью дальнейшего давления на свои национальные правительства теперь уже извне [Keck, Sikkink, 1998].

Транснациональные сети убеждения (ТСУ) играют ключевую роль в принятии норм на национальном уровне, и правительства зачастую вынуждены, под воздействием таких сетей, заниматься вопросами, не первоначально стоящими в их повестке дня [Keck, Sikkink 1998]. Такого рода сети «являются организационными формами, которые характеризуются добровольными и горизонтально организованными взаимными связями и коммуникациями. Они могут включать в себя самых разнообразных участников, включая НПО, локальные социальные движения, фонды, СМИ, церкви, профсоюзы, потребительские организации, отдельных интеллектуалов, части межправительственных организаций и части правительств» [Keck, Sikkink 1998]. Задействуя различные каналы, они оказывают влияние на политику, проводимую правительствами отдельных стран. Причём вне зависимости от того, насколько лица, принимающие решения, изначально податливы такому влиянию, они могут быть вынуждены участвовать в международных договорах по защите окружающей среды, продвигаемых транснациональными сетями. Такого рода объединения могут оказывать влияние даже на государства, сопротивляющиеся нормативной программе, отстаиваемой активистами – в этих случаях имеет место «эффект бумеранга», когда сторонники экологического регулирования, действующие в стране, оказывают

давление на своё правительство, опираясь на иностранных участников.

«Эффект бумеранга» хорошо проявляется в действиях, предпринятых в 2010 г. племенем Донгри Кондх, обитающим в регионе Ниямгири на территории Индии. Ранее компания «Веданта ресорсиз» (Vedanta Resources) запланировала обустроить на холмах Ниямгири карьер, где намеревалась добывать бокситы. Предполагаемая выгода бизнеса составляла порядка 2 млрд долларов США. Кроме того, фирма – с разрешения федерального правительства – к тому времени уже построила глинозёмный завод неподалёку от близлежащего города Ланджигарх. Племя, знакомое с экологическими последствиями создания грязного промышленного производства, провело локальную акцию сопротивления и распространило международный призыв о защите экологии этой местности.

Поддержку племени предложила неправительственная организация, специализирующаяся на защите традиционного образа жизни малых народов, «Сурвайвал» (Survival). Она стала лоббировать запрет на добычу бокситов Ниямгири, оказывая давление на правительства Индии и Великобритании, а также ООН и Организацию экономического развития и сотрудничества (ОЭСР). В 2013 г. индийский Верховный суд постановил, что Донгри должны иметь возможность сами решать, будет ли продолжена разработка месторождения. Племя отказало добывающей компании, закрыв таким образом данный вопрос¹⁵. Частью кампании, организованной при участии НПО, стали демонстрации, организованные в Великобритании под лозунгом «спасите настоящее племя Аватара». Тем самым активисты стремились привлечь внимание общественности, проводя параллель между героями популярного художественного фильма и племенем Донгри. За счёт этой кампании «Сурвайвал» приобрела рычаги давления на правительство Индии, которое встало на сторону Донгри, в том числе и из репутационных соображений.

¹⁵ Survival – Dongria Tribe. URL: <http://www.survivalinternational.org/tribes/dongria>

Нельзя не отметить, что «эффект бумеранга» предстаёт весьма полезным инструментом продавливания новых норм, ибо «по мере того, как место принятия решений перемещается вверх по властной лестнице», локальные сообщества рискуют получить меньше возможностей высказать точку зрения относительно ситуации [Tagtow 2005]. Между тем второй сценарий предполагает, что в случаях, когда правительство не готово заняться каким-то конкретным вопросом, граждане всё же могут добиться своего, обратившись к транснациональным сетям убеждений. В процессе развития как первого, так и второго сценария население и активисты с самого начала вовлечены в формирование нормативных изменений, что помогает их осуществлению. Оба они остаются вариантами усвоения норм в направлении «снизу вверх».

Третий сценарий относится к случаям, когда страна сталкивается с настолько экстремальными экологическими проблемами или вызовами, что и население, и правительство единодушны и, как правило, одновременно признают необходимость принятия экстренных мер, направленных на защиту окружающей среды. Серьёзность проблем приводит к тому, что политика выстраивается в условиях крайней необходимости [Daley, Garand 2005]. Правительство, выступая в качестве «естественного законодателя», разрабатывает нормы, призванные обеспечить решение неотложной и чётко осознаваемой проблемы. Хотя данный вариант развития событий и содержит элементы, совпадающие с первым сценарием, имеются и ряд существенных типологических отличий. Главное среди них состоит в том, что субъектом, инициирующим создание норм, является не общество, группы давления или бизнес, а государство. В данном случае мы сталкиваемся с подходом, в котором инициатива направ-

лена «сверху вниз», а не «снизу вверх», как в предыдущих сценариях. Тем не менее в ходе его осуществления не приходится ожидать сложностей с введением нормы в действие и признанием её общественностью, поскольку его реализация возможна только в тех случаях, когда проблема оказывается настолько очевидной и животрепещущей, что отрицать её наличие уже никто не может. Такого рода условия не являются типичными для экологических проблем, которые зачастую характеризуются размытой неопределённостью отложенных результатов. Приведённый ниже пример из Республики Корея (РК) представляется для третьего сценария наиболее показательным.

Высокая плотность населения в стране, острая нехватка места для захоронения отходов и серьёзные проблемы с замусоренностью прибрежных океанических вод¹⁶ привели в 1990-х годах к тому, что отходы стали одним из приоритетов правительства. Сеул использовал для разрешения ситуации все имевшиеся у него средства, от тщательной сортировки до финансового стимулирования. Результаты этих усилий впечатляют: среднее количество отходов, производимых в стране на душу населения в день, за 25 лет удалось уменьшить в половину, а в Сеуле обеспечивалось (по данным на 2010 год) вторичное использование 66% бытовых отходов¹⁷. Население приняло введённые изменения, поскольку без них риски были, очевидно, слишком велики. Позитивного изменения экологической ситуации в данном сценарии позволили добиться имевшиеся объективные ограничения. Однако озабоченность какой-то одной экологической проблемой вовсе не означает, что страна тут же автоматически готова приступить к разрешению прочих вопросов защиты окружающей среды. Таким образом, действие неофунк-

¹⁶ Kang C.G. Marine Litter in the Republic of Korea. 2003. URL: <http://www.unep.org/regionalseas/marinelitter/publications/docs/marine-litter-Korea-Kang.pdf><http://www.recyclingtoday.com/article/rtge1112-municipal-recycling-seoul/>

¹⁷ Lee G. Seoul's Example. Recycling Today. 2012. URL: <http://www.recyclingtoday.com/article/rtge1112-municipal-recycling-seoul/>

ционалистского «эффекта перелива» (spill-over effect) в третьем сценарии практически исключено.

4

Четвёртый сценарий описывает ситуации, при которых правительства принимают решение разработать комплексную нормативную базу по какому-то новому вопросу без информирования общественности и без лоббирования со стороны неправительственных организаций. Причина, по которой правительство может пойти на введение затратных норм в отсутствие запроса на них, при лишь незначительном давлении извне или снизу и не будучи принуждаемым к этому неотложными экологическими проблемами, — это и есть основной парадокс, который в том числе наблюдается в российском экологическом регулировании. За счёт чего вообще возможно, причём на добровольной основе, возникновение заинтересованности правительства в решении вопросов защиты окружающей среды?

Упомянутая в начале теория «жизненного цикла норм» содержит возможный ответ на этот вопрос [Finnemore, Sikkink 1998]. В соответствии с ней после прохождения «критической точки» распространения новых правил в международном масштабе запускается «эффект каскада». С учётом большого числа государств, которые уже заявили о приверженности новой норме, она становится настолько общепринятой, что другие государства начинают признавать её из стремления к конформности. Ряд экологических норм уже успели успешно пройти указанный выше процесс, и именно этим можно объяснить их принятие Российской Федерацией. Думается, что Москва пошла на их признание во многом потому, что это сделало большинство государств, включая её стратегических партнёров.

Вместе с тем модель «жизненного цикла норм» подразумевает, что при прохождении каскада, уже на этапе интернализации, новые нормы становятся настолько очевидными, что переходят в разряд «само-

собой разумеющихся». Тогда они начинают приниматься по умолчанию на всех уровнях (не только государствами, но и общественностью), получая статус обязательных на внутривластной арене [Cortell, Davis 2000]. Между тем природоохранное законодательство, принятое в России, пока не достигло этой стадии цикла, а потому обоснованность формально закреплённых норм не приобрела должной легитимности в глазах общественности.

Развитию норм в рамках жизненного цикла способствуют уже упоминавшиеся транснациональные сети убеждения. Вместе с тем в своей деятельности они, как правило, фокусируются на моменте принятия нормы государством. Действующие различными способами транснациональные сети, предоставляя правительствам информацию по экологическим вопросам, внося новые пункты в международную повестку дня, «стимулируя принятие государствами небесспорных обязательств» и правильно формулируя проблемные вопросы, направляя и структурируя, таким образом, общественную и экспертную дискуссию, могут побуждать правительства к изданию законов по тому или иному аспекту проблемы [Keck, Sikkink, 1998]. Более того, Кек и Сиккинк определяют четыре типа стратегий, которым могут следовать ТСУ: «информационная политика, символическая политика, политика рычагов и политика подотчётности», при этом первая и четвёртая из них легко могут применяться на межправительственном уровне.

При рассмотрении сценариев принятия норм становится очевидным, что в России реализуется четвёртый из них, поскольку её взаимодействие — на межправительственном уровне — с другими государствами и международными организациями сыграло значительную роль при формировании национального экологического законодательства. Москва присоединилась (или была в числе разработчиков) к большинству международных конвенций и договоров в сфере защиты окружающей среды. Среди них: Конвенция по сохранению биологического разнообразия (1983),

Венская конвенция об охране озонового слоя (1985), Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (1987), Конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (1989), Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий (1991), Киотский протокол об изменении климата (2004), Парижское соглашение об изменении климата (2015) и другие. Следуя взятым на себя обязательствам, Москва ввела в действие соответствующие международным стандартам экологические законы¹⁸.

Хотя российское правительство не допускает прямого воздействия на принятие своих решений со стороны зарубежных НПО, их влияние на международные организации и другие государства, несомненно, способно оказывать косвенный эффект и на Российскую Федерацию, особенно по неполитическим (гуманитарным) вопросам. Это происходит потому, что транснациональные сети убеждения (важнейшей частью которых и выступают соответствующие узкопрофильные НПО) в этом случае осуществляют воздействие на зарубежное государство опосредованно, оказывая давление на правительство своих стран (стран происхождения НПО) и способствуя внесению экологических вопросов в повестку международных и межправительственных саммитов.

По репутационным соображениям страны, как правило, стараются не уклоняться от участия в международных договорах, призванных решать глобальные проблемы, а если допускают такое, то подвергаются критике [Erickson 2015]. В условиях обострения международно-политических противоречий государство, рассчитывающее на их урегулирование или во всяком случае на создание максимально приемлемых условий для экономического развития на сложном геополитическом фоне, будет стремиться избегать такого рода репутационных потерь по менее важным вопросам.

Таким образом, двумя главными параметрами объяснения ситуации, при которой государства принимают затратные нормы в отсутствие соответствующего запроса со стороны населения, это – программирующее влияние действия «значимых в мировосприятии его лидеров» государств и число принявших норму государств.

Предложенное объяснение можно сопоставить с аргументами альтернативных теорий. Так, представители «теории мировой политики» отмечают, что процессы принятия совершенно новых норм и принятия норм, которые уже широко применяются где-то ещё, могут существенно отличаться друг от друга. Принятие странами регулирования на основе аналогии, невзирая на очевидные культурные и иные онтологические различия, получило название «изоморфных изменений». Он приводит к «принятию обществами стандартизированных форм» [Meyer, Boli, Thomas, Ramirez 1997]. В качестве примера можно привести «системы массового школьного образования, где используются примерно одинаковые стандартные программы обучения», внедрённые во множестве государств, невзирая на их внутреннюю специфику. При этом даже аграрные страны предпочли использовать уже существующую модель, отражающую опыт индустриальных экономик, нежели разрабатывать собственные подходы к обучению населения [Kamens, Meyer, Venavot 1996].

Основываясь на этой гипотезе, можно предположить, что российское правительство, выяснив, какие экологические нормы имеются за рубежом и как они работают, стало пытаться импортировать наиболее проработанные из них. По этой логике, если принципиально новые законодательные акты обычно приходится проталкивать снизу, то законы, где-то уже действующие, могут быть приняты правительствами и в отсутствие общественного давления. Данное объяснение укладывается в рамку, предложенную выше.

¹⁸ King, Spalding. Overview of Russian Legislation. URL: <http://www.kslaw.com/imageserver/KSPublic/library/publication/RussianEnvironmental.pdf>

национальные экспертно-профессиональные сети (transnational expertise and experience network, TEENs/ТЭПС), назначение которых состоит в адаптации международной нормы к локальным страновым усло-

виям и содействию её имплементации. При этом каждая из представленных моделей появления норм предполагает свои особенности в отношении реализации соответствующих норм.

Список литературы

- Бакалова Е.* Конструктивизм в исследовании международных норм защиты прав человека: от генезиса, признания и соблюдения к нарушению, оспариванию и эрозии // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 1. С. 48–67.
- Нейсбит Дж.* Вертикальная демократия в Китае // *Международные процессы*. 2009. Т. 7. №3. С. 45–46.
- Bob C.* The market for human rights // *Advocacy organizations and collective action* / ed. by A. Prakash, M.K. Gugerty. Cambridge University Press, 2010. P. 133–54.
- Cortell A.P., Davis J.W.* Understanding the domestic impact of international norms: A research agenda // *International Studies Review*. 2000. Vol. 2. No. 1. P. 65–87.
- Daley D.M., Garand J.C.* Horizontal Diffusion, Vertical Diffusion and Internal Pressure in State Environmental Policymaking // *American Politics Research*. 2005. Vol. 33. No. 5. P. 615–644.
- Die Privatisierung der Weltpolitik. Entstaatlichung und Kommerzialisierung im Globalisierungsprozess* / ed. by T. Brühl et al. Bonn: Dietz Verlag, 2011. 320 p.
- Doron G., Harris M.* Public Policy and Electoral Reform: The Case of Israel. Md.: Lexington Books, 2000. 160 p.
- Erickson J.* Dangerous trade: arms exports, human rights, and international reputation. Columbia University Press, 2015. 269 p.
- Finnemore M., Sikkink K.* International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 887–917.
- Giussani V.* The UK Clean Air Act 1956: An Empirical Investigation. CSERGE Working Paper. Centre for Social and Economic Research on the Global Environment, 1994.
- Haas P.M.* Epistemic Communities and International Policy Coordination // *International Organization*. 1992. Vol. 46. No. 1. P. 1–35.
- The Role of Environmental NGOs: Russian Challenges, American Lessons: Proceedings of a Workshop.* National Research Council. Washington, DC: The National Academies Press, 2001. <https://doi.org/10.17226/10240>. 215 p.
- Jaeger H.-M.* 'Global Civil Society' and the Political Depoliticization of Global Governance // *International Political Sociology*. 2007. Vol. 1. No. 3. P. 257–277.
- Kamens D.H., Meyer J.W., Benavot A.* Worldwide Patterns in Academic Secondary Education Curricula // *Comparative Education Review*. 1996. Vol. 40. No. 2. P. 116–138.
- Keck M.E., Sikkink K.* Activists Beyond Borders, Advocacy Networks in International Politics. New York: Cornell University Press, 1998. 294 p.
- Kennedy D.* The Dark Sides of Virtue. Reassessing International Humanitarianism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 400 p.
- The Power and Limits of NGOs: A Critical Look at Building Democracy in Eastern Europe and Eurasia* / ed. by S.E. Mendelson, J.K. Glenn. New York: Columbia University Press, 2002. 300 p.
- Meyer J.W., Bolz J., Thomas G.M., Ramirez F.D.* World Society and the Nation-State // *American Journal of Sociology*. 1997. Vol. 103. No. 1. P. 144–181.
- Risse T.* Identity Matters: Exploring the Ambivalence of EU Foreign Policy // *Global Policy*. 2012. No. 3. P. 87–95.
- Sapozhnikova V.* Environmental Protection in Russia: The Evolution from Strict Enforcement Measures and Environmental Compliance Control to New Combined Approaches Based upon Preventive Strategies. Proceedings of the Seventh International Conference and Enforcement, INECE, 7th Conference. Washington DC: 2005. P. 183–188.
- Slaughter A.* The Real New World Order // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. No. 5. P. 183–197.
- Tarrow S.* The New Transnational Activism. Cambridge University Press, 2005. 258 p.
- Vylegzhanin A.N.* Developing International Law Teachings for Preventing Interstate Disaccords in the Arctic Ocean. New Chances and New Responsibilities in the Arctic Region: Papers from the International Conference at the German Federal Foreign Office in Cooperation with the Ministries of Foreign Affairs of Denmark and Norway, 11–13 March 2009, Berlin: 2010. P. 209–222.

TRANSNATIONAL NETWORKS AND RUSSIA'S ENVIRONMENTAL POLICIES

ANNE VIGNEAU
ANDREY BAYKOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

This article offers an analysis of why Russia does not implement the environmental policies adopted by the government. Transnational Advocacy Networks have an impact on the adoption of environmental laws as they act through various mechanisms and among others on an inter-governmental level without necessarily having an impact on the society itself. This explains why norms get adopted but may not get implemented. Based on the existing literature on TANs the authors analyze the fact that TANs operate not only as Advocacy Networks for the adoption of norms but also as what the authors of this article coin as Expertise and Experience Networks which aid norm implementation. Countries can be affected by TANs but not by TEENs, which explains the paradoxical situation in Russia regarding norm implementation. The difference between the two only becomes apparent in cases when they do not operate simultaneously. The four presented models of the emergence and diffusion of norms show that in the process of adoption of new legislative acts in the country, the initiative can come from political actors of different levels with varying degrees of international pressure. In turn, in the case of states concerned with the problem of protecting their sovereignty, international pressure, as a rule, is carried out not directly, but as a result of routine intergovernmental interaction. At the same time, the effectiveness and degree of such an impact is the higher, the more transnational expertise and experience network are active in this matter, the purpose of which is to adapt the international norm to local country conditions and to facilitate its implementation. Each of the described models for the emergence of norms implies its own peculiarities in relation to the implementation of the relevant norms.

Keywords:

Transnational Advocacy Networks; Transnational Expertise and Experience Networks; environmental laws; norm diffusion; norm adoption; norm implementation.

References

- Bakalova E. (2015). Konstruktivizm v issledovanii mezhdunarodnykh norm: ot genezisa, priznaniya i soblyudeniya k narusheniyu, osparivaniyu i erozii [Constructivism in the study of International Human Rights Norms: from genesis, acceptance and compliance to violation, contestation and erosion]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 1. P. 48–67.
- Bob C. (2010). The market for human rights. *Advocacy organizations and collective action*. Pp. 133–54.
- Brühl T. et al. (eds) (2001). *Die Privatisierung der Weltpolitik. Entstaatlichung und Kommerzialisierung im Globalisierungsprozess*. Bonn: Dietz Verlag. 320 p.
- Cortell A.P., Davis J.W. (2000). Understanding the domestic impact of international norms: A research agenda. *International Studies Review*. Vol. 2. No. 1. P. 65–87.
- Daley D.M., Garand J.C. (2005). Horizontal Diffusion, Vertical Diffusion and Internal Pressure in State Environmental Policymaking. *American Politics Research*. Vol. 33. No. 5. P. 615–644.
- Doron G., Harris M. (2000). *Public Policy and Electoral Reform: The Case of Israel*. Md.: Lexington Books. 160 p.
- Erickson J. (2015). *Dangerous trade: arms exports, human rights, and international reputation*. Columbia University Press. 269 p.
- Finnemore M., Sikkink K. (1998). International Norm Dynamics and Political Change. *International Organization*. Vol. 52. No. 4. P. 887–917.
- Giussani V. (1994) *The UK Clean Air Act 1956: An Empirical Investigation*. CSERGE Working Paper. Centre for Social and Economic Research on the Global Environment.

- Haas P.M. (1992). Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*. Vol. 46. No. 1. P. 1–35.
- National Research Council (2001). *The Role of Environmental NGOs: Russian Challenges, American Lessons: Proceedings of a Workshop*. Washington, DC: The National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/10240>. 215 p.
- Jaeger H.-M. (2007). 'Global Civil Society' and the Political Depoliticization of Global Governance. *International Political Sociology*. Vol. 1. No. 3. P. 257–277.
- Kamens D.H., Meyer J.W., Benavot A. (1996). Worldwide Patterns in Academic Secondary Education Curricula. *Comparative Education Review*. Vol. 40. No. 2. P. 116–138.
- Keck M.E., Sikkink K. (1998). *Activists Beyond Borders, Advocacy Networks in International Politics*. New York: Cornell University Press. 294 p.
- Kennedy D. (2004). *The Dark Sides of Virtue. Reassessing International Humanitarianism*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 400 p.
- Naisbitt J. (2009). Vertikal'naya demokratiya v Kitae [Vertical Democracy in China]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 7. No. 3. P. 45–46.
- Mendelson S.E., Glenn J.K. (eds.) (2002). *The Power and Limits of NGOs: A Critical Look at Building Democracy in Eastern Europe and Eurasia*. New York: Columbia University Press. 300 p.
- Meyer J.W., Boli J., Thomas G.M., Ramirez F.O. (1997) World Society and the Nation-State. *American Journal of Sociology*. Vol. 103. No. 1. P. 144–181.
- Risse T. (2012), Identity Matters: Exploring the Ambivalence of EU Foreign Policy. *Global Policy*. No. 3. P. 87–95.
- Sapozhnikova V (2005) *Environmental Protection in Russia: The Evolution from Strict Enforcement Measures and Environmental Compliance Control to New Combined Approaches Based upon Preventive Strategies*. Proceedings of the Seventh International Conference and Enforcement, INECE, 7th Conference. Washington DC. P. 183–188.
- Slaughter, A. (1997). The Real New World Order. *Foreign Affairs*. Vol. 76. No. 5. P. 183–197.
- Tarrow S. (2005). *The New Transnational Activism*. Cambridge University Press. 258 p.
- Vylegzhanin A.N. (2010). *Developing International Law Teachings for Preventing Interstate Disaccords in the Arctic Ocean*. New Chances and New Responsibilities in the Arctic Region: Papers from the International Conference at the German Federal Foreign Office in Cooperation with the Ministries of Foreign Affairs of Denmark and Norway, 11–13 March 2009, Berlin. P. 209–222.